

Александр Евгеньевич Мазуров

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36
✉ rumatamonteg@gmail.com*

DOI 10.25205/978-5-4437-1402-8-81-87

**РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
В ФЕЛЬЕТОНАХ Ф. В. ВОЛХОВСКОГО
В «СИБИРСКОЙ ГАЗЕТЕ» (1882–1888 гг.)***

Художественные и художественно-публицистические жанры занимали важное место в первой частной «Сибирской газете» (1881–1888 гг.), которая издавалась в Томске по программе общественно-политической, но при этом характеризовалась исследователями как «литературоцентричное» издание [Жилякова, 2002. С. 18–30]. Художественно-публицистические материалы, литературная критика, театральные рецензии встречались почти в каждом номере газеты. Издание ставило перед собой задачу просвещения своих читателей, введения сибирского провинциального творчества в российский литературный контекст [Там же, 2002. С. 30–49].

Начиная с 1882 года, ключевым публицистом «Сибирской газеты» выступал поэт-народника Ф. В. Волховский [См.: Доманский, 1996.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>.

© А. Е. Мазуров, 2022

С. 147–167]. За время сотрудничества с изданием (1882–1888 гг.) публицистом было опубликовано больше 100 материалов, в числе которых 76 фельетонов. К особенностям повествовательной манеры публициста относились: использование литературных масок, открытость авторской позиции, мифологизация действительности, опора на документальность и диалогичность [См.: Рощевская, 1975. С. 84–95; Жилиякова, 2020. С. 16–36; Мазуров, 2021. С. 22–25].

В фельетонах Ф. В. Волховский ориентировался не только на постановку проблемных вопросов, но и на приобщение читателей к культовым именам и произведениям отечественной литературы: материалы публициста отсылали к сатирическим журналам 1860-х годов, повестям Н. В. Гоголя и творчеству современника М. Е. Салтыкова-Щедрина [См.: Жилиякова, 2008. С. 333–345; Мазуров, 2022].

Цель исследования — выявление рецепции творчества и образов М. Е. Салтыкова-Щедрина в фельетонах Ф. В. Волховского периода его сотрудничества с «Сибирской газетой» (1882–1888).

В фельетонах Ф. В. Волховского, особенно в полностью сатирическом цикле «Сибирский музей» (1884–1885 гг.), опубликованным под псевдонимом Консерватор, неоднократно встречаются образы М. Е. Салтыкова-Щедрина. Именно из произведений классика в фельетоны публициста переключались многочисленные коты, кондраты, Колупаевы, Разуваевы и помпадурсы. Фельетонист отсылает к сатирику уже в первом фельетоне цикла, обозначая, что общая характеристика российским «хищникам» «воспроизведена давно уже нашим талантливейшим сатириком Щедриным и знакома всякому, мало-мальски грамотному русскому человеку» (СГ. 1884. № 12). Таким образом, фельетонист как бы ставил основной задачей — показать хищников сибирских.

Несмотря на сужение образов до локальных тем, Ф. В. Волховский убеждал читателя в том, что сибирские помпадурсы ничем не отличаются от щедринских. Как и сатирик в публикуемом в «Отечественных заметках» цикле «Помпадурсы и помпадурши» (1863–1874),

публицист создавал образ самодовольного и глупого представителя администрации, подчеркивая отсутствие индивидуальности и создавая вслед за классиком образ человека-маски, который «можно примерить» почти к любому чиновнику с «пустотой мысли» и «шелухой слов» [Макашин, 1972. С. 336]. Интересным в контексте размышлений представляется описание реинкарнации помпадура: «Дух помпадура Бородавкина, “материализовавшись” в современную фигуру полковника Надарова, потрянув эполетами, прямо заявил, что случаев отравления хлебом не было, что барбарисового кустарника на озере Хаика нет, потому что он, полковник Надаров, его не видел, и что исследования г. Пальчевского не имеют значения, так как последний окончил курс в военном училище» (СГ. 1888. № 15). Таким образом, Волховский подчеркивал вневременность и актуальность образов сатирика.

Ф. В. Волховский вслед за Салтыковым-Щедриным конструировал также собственный сибирский вариант города Глупова в цикле фельетонов «Летопись мирного городка» под псевдонимом Я. Ачинский. Волховский начинал повествование с «фактов» из жизни «Мирного городка», которые многим жителями Сибири не казались фантастическими: беспорядки в гостиницах, побег арестантов, общественное собрание и др. (СГ. 1883. № 44). Но со временем сквозь образ города читатель начинал видеть черты города Глупова с гротескными персонажами: городским главой Мироном Миронычем и полицейским надзирателем Кольчегой. Сам городок у Ф. В. Волховского был примечателен лишь полицейскими участками, гостиницами и золотыми вывесками ведомств (СГ. 1884. № 28).

Ф. В. Волховский в своих фельетонах обращался к многочисленным фольклорным мотивам, мифологизации, а также к образам русской классики, проецируя их на современность, актуализируя их и создавая таким образом характерное для поэтики Салтыкова-Щедрина символическое иносказание [Глазкова, 2008. С. 150–153]. Так, в цикле Ивана Брута иное сибирское звучание в приложении на со-

временность приобретают образы гоголевского «Вия», пройдя сквозь ссылку, они наделялись актуальными чертами биографии [Мазуров, 2022]. Встречаются в фельетонах публициста и библейские сюжеты: «В Киренске открывается целый поход против корреспондентов: судья Асокин пишет в Иркутский губернский суд просьбу о выдаче ему имени корреспондента, “дабы сослать его в Якутскую область, а может быть, и далее”», — уподобляя цензоров и полицию Христу и апостолам: «Христос и апостолы преподаватели же самые строгие заповеди в ограждение свободы слова от сквернословия и хулы на Дух Святого!» (СГ. 1883. № 45).

Публицист вслед за Салтыковым-Щедриным создавал в своих фельетонах два пласта — мифологический (художественный) и реальный. Для Волховского также характерна размытость планов и образов, он стремился охватить всю Сибирь целиком, обращаясь к конкретным фактам и создавая целостную систему с выявленными в ней противоречиями: «Восхитительная декорация была доведена до конца: передо мною вставали и уходили вглубь чистые, снежные холмы, местами разделенные громадными падыми, обозначающими ложбины могучих рек, теперь скованных морозом; под ногами был не паркет, а гладкая, полупрозрачная толща льда с оттенком аквамарина... Мне казалось, что я окидываю взглядом целую Сибирь и по временам, когда я напрягал слух, мне думалось, что не гул замаскированной толпы касается его, а доносится прибой далекого моря» (СГ. 1888. № 1).

В творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина характерным «новым мифом своего времени» [Глазкова, 2008. С. 150–153] было взаимодействие писателя и читателя, следующие из этого перипетии. Так, в сказке «Приключение с Крамольниковым» (1886) Салтыков-Щедрин описывает, как «коренной пошехонский литератор» утратил возможность писать, окруженный «отступниками». В своих фельетонах Ф.В. Волховский также неоднократно обращался к противопоставлению образов «корреспондентов» и «кондратов»: «Почему

сибирский корреспондент прячется? Уж, конечно, не от страха судебной ответственности, нет — он боится за свои ребра, за свое существование, которому грозит или сам кондрат своим жирным кулачищем, или подосланный кондратом молодец, готовый за полуштоф “отделать под орех” кого прикажут» (СГ. 1884. № 15).

Как и Салтыков-Щедрин, Ф. В. Волховский в своих произведениях показывал читателям изнанку мира, обращаясь ко сну и фантазмагории. Так, в повести «Запутанное дело» Салтыков-Щедрин описывал три сна главного героя бедняка Ивана Мичулина: о «баловне фортуны», проститутке Наденьке и пирамиде из человеческих тел разных форм. Показывая читателю сны главного героя, автор делился с читателями проблемой социальной несправедливости, притеснений, которые в реальности испытал главный герой.

Во многих фельетонах Волховский погружает читателя во сны литературных масок, где в форме аллюзии, подобно пирамиде из «Запутанного дела», читатель мог увидеть золотого истукана (СГ. 1883. № 6), притесняемую нечистью Сибирь (СГ. 1883. № 1), всесибирскую дешевку (СГ. 1888. № 34). Так, в фельетоне под псевдонимом В тиши расцветший василек «Путешествие в глубь страны» (СГ. 1882. № 47) в дороге рассказчик замерзает, ямщик отвозит его на «зимовье», где хозяин «водочку держит». Выпивая большой стакан водки, василек в пути впадает «в тяжелое, полное фантастических грез забытье». Во сне автор, опасаясь за дальнейшую судьбу литератора, пробует себя в роли горного блюстителя Федорова, погружается в мир приисковой коррупции, берет на себя командование батальоном, но тем не менее везде в нем узнают василька.

Таким образом, реальность в фельетонах Ф. В. Волховского превращалась в мифологизированную, которая раскалывалась под воздействием мифологических, сказочных образов, как и поэтика М. Е. Салтыкова-Щедрина. Реальный мир в фельетонах при этом также претерпевал существенные изменения. Одним из ключевых приемов для Ф. В. Волховского служит гротеск, вкрапление в сибирский

материал абсурдной канвы повествования: «В свободное от дипломатических занятий время Федот Силыч поражает всех своей откровенностью; однажды мне случилось быть с ним на вечере у генеральши Триклинской. Хозяйка, желая занять своего собеседника, обратилась к нему с вопросом: — Вам, вероятно, скучно у нас сегодня, Федот Силыч, что вы молчите? Вы, говорят, любите развлечения... — Вашеество, я люблю больше всего в мире карточки и конфетки, да конфетки и больше мне ничего не нужно!» (СГ. 1885. № 11). Волховский, пытаясь приложить сказочную, но правдивую реальность на действительность, обращается к ключевому приему Салтыкова-Щедрина [Макашин, 1972], что вместе с мифологизацией позволяет назвать основанные на реальных фактах фельетоны публициста глубоко символической сатирой.

Опираясь на сатирические традиции и мифотворчество произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. В. Волховский в своих фельетонах тем не менее смог найти собственный авторский стиль, разработать поэтику и эзопов язык, описывая жизнь провинциальных хищников и помпадуров. Именно Ф. В. Волховский первым из сибирских публицистов, работая с беллетризованными фельетонами, вывел оперативный и злободневный жанр, привязанный к региону, на уровень общероссийской культуры.

Литература

Глазкова Т. А. Миф и реальность в сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2008. С. 150–153.

Доманский В. А. Ф. В. Волховский — негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–167.

Жулякова Н. В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Американские идеи и концепции в гуманитарных иссле-

А. Е. Мазуров

дованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе». Томск, 2008. С. 333–345.

Жилякова Н. В. «Обличать, колоть и жалить»: Сатирическая журналистика Томска конца XIX — начала XX века. Томск, 2020. 386 с.

Жилякова Н. В. «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма : дисс. ... канд. филол. н. Томск, 2002. 270 с.

Мазуров А. Е. Документальная основа и работа с фактами в фельетонах Ф. В. Волховского (на примере публикаций 1882–1884 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 469. Томск, 2021. С. 22–25.

Мазуров А. Е. Рецепция творчества Н. В. Гоголя в фельетонах Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» // Медиаскоп. 2022. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2764>.

Макашин С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х годов / С. А. Макашин. М., 1972. 596 с.

Рощевская Л. П. Ф. В. Волховский — сотрудник «Сибирской газеты» // Вопросы истории и теории литературы. Научные труды Тюменского гос. университета. № 14. Тюмень, 1975. С. 84–95.